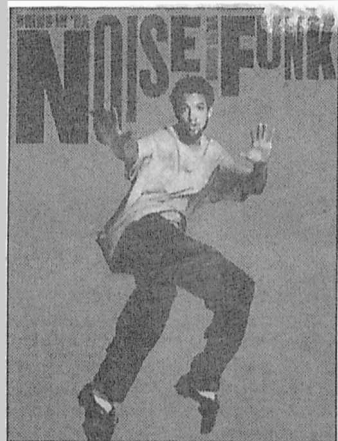

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Андрей МАКСИМОВ

Надо сразу решить один — говоря языком политическим — неоднозначный вопрос: планета наша настолько ли велика, что можно запросто не заметить иные вещи, или же чрезвычайно мала, и делать вид, будто Россией мир ограничивается, все-таки нельзя? Вопрос, на самом деле, непраздный. Потому что бродвейский спектакль, о котором хочу рассказать, в смысле передачи опыта никак не подходит, ибо так мы не сможем никогда, да и не наше это дело — подобные спектакли. Но когда на российском театре ставят модные нынче мюзиклы, наверное, имеет смысл рассказывать про такие спектакли — их форму и критерия для.

Спектакль называется "Bring in 'da noise, bring in 'da funk". Точного перевода на русский язык нет. Переведем, например, так: "Несут шум, несут фанк". Понятно? Думаю, не очень. Насколько я понял после многочисленных переговоров с переводчиками: фанк — это такое направление негритянской культуры. Впрочем, как вы понимаете,

Бродвейский степ, или Как важно быть несерьезным

Культура. 1997. 1 марта. с. 13

те, дело не в названии. Дело, как и должно быть в настоящем спектакле, в идее и ее воплощении. Автор пьесы (хотя это привычное для русского слуха слово здесь вряд ли подходит) Рэг Е. Гейн и хореограф Савион Гловер (кстати, ему всего двадцать четыре года, но он уже — один из самых модных хореографов Бродвея) решили рассказать историю негров Америки в жанре степа. Каково? История народа через четкость...

Спектакль состоит из десяти новелл. Первая — "Корабль рабов" — рассказывает о том, как привезли негров в Америку. Последняя — "Такси" — почти публицистическая история: негров не сажают в такси только потому, что они негры.

Слов в спектакле нет — только песня и танец. И этого, оказывается, достаточно, чтобы история целого народа на протяжении двух веков стала не то, чтобы понятна, а, скорей, прочувствована. Это театральное представление рассказывает не про даты-события исторических деятелей (хотя многие угадывались даже мной, не говоря уже о зрителях в зале, среди которых, кстати, были и белые, и негры). Нет, на Бродвее создан музыкальный рассказ про характер нации — характер, который помог ей выжить в самых тяжелых условиях.

Вот такой спектакль. ...Один человек стоит на сцене спиной к зрителю. Сгорбленная спина, опущенные руки... Человеку грустно. Только что прошла сцена про то, как белые избивали негров, и потому причина грусти человека нам понятна. Человеку одиноко, от этого одиночества он

спасается... в зеркалах. Их четыре. Спина и четыре отражения лица. Вроде как уже и не один. От тоски наш герой начинает пританцовывать. Сначала медленно, потом все быстрее, быстрее. Вдруг останавливается, будто вспомнив что-то. И снова — танец. Человек спасается сам собой. Последние минуты сцены — невероятный, почти истеричный танец отчаяния и спасения. Он повернет к нам свое лицо лишь в финале, и это будет лицо человека, которого никакие, пусть даже самые тяжелые обстоятельства победить не могут.

Вот такой спектакль. ...У двух негров не было денег, чтобы купить музыкальные инструменты. А музыка в их душах жила. И тогда они напялили на себя сковородки, доски, какие-то колокольчики — в общем, все, что звучит, — и начали сочинять музыку. Играли на самих себе и друг на друге. Если кто скажет, что то, что они исполняют, — это не музыка, пусть первым бросит в меня сковородку.

Вот такой спектакль. ...В Америке началась эпоха индустриализации (там тоже такое было, правда, кончилось иначе, чем у нас). Негров — дешевую рабочую силу — заставляли заниматься самым тяжелым, самым грязным трудом. Но ведь эти лязгающие машины издают звуки, а грязный металл поет, надо только суметь услышать его пение. Ну а если есть музыка, то кто может запретить человеку танцевать? Здесь степ рождается не как протест против окружающей жизни, но как естественное поведение человека, для которого его внутренний мир куда значимей любых

внешних обстоятельств. Вот такой спектакль. Складывается ощущение, что актеры танцуют и поют не потому, что им такое задание дали авторы и режиссер, — а потому, что это их естественное состояние. Для них говорить языком танца проще и интересней, нежели языком слов...

В этом спектакле нет тех, кто играет лучше или хуже. Нет солистов и массовки. Есть ансамбль. Или, если говорить красиво, но банально: ансамбль солистов.

За скобками оставляю рассказ про техническое обеспечение. Вскользь замечу лишь, что начинается это шоу на пустой сцене, но потом с помощью невероятно яркого света, лазеров и очень нехитрых элементов декораций, которые словно бы рождаются в разных углах сцены, создается то, что и отличает хорошую декорацию от плохой. — собственный мир. Про качество звука говорить не буду — туг, как говорится, все ясно.

Конечно, можно делать вид, что планета наша столь огромна, что с Тверской Бродвеи не разглядеть, но если вид не делать, придется признать, что даже выпускник Щукинского училища никогда не сможет танцевать так, как актер негр с Бродвея, возможно, даже не имеющий высшего театрального образования.

Как известно, в прошедшем году мы покорили Бродвей. Сделал это московский "Современник" — первый российский театр, побывавший на Бродвее. Из разговоров с американскими театральными деятелями я понял, что более всего поразили их "Три сестры" Чехова. Американцы не понимают, как можно так проживать жизнь своих героев, как можно так существовать на сцене. Кстати, на Бродвее же мне рассказали, что Галина Волчек отказалась ставить здесь мюзикл (к слову сказать, гонорар, который ей предлагали за постановку, обеспечивал бы ее на многие годы). Знаменитый режиссер рассудила, вероятно, что не российское это дело — удивлять амери-

канцев мюзиклами. Чеховым — да, а мюзиклами — совсем другой коленкор.

На нашей очень маленькой планете надо, чтобы каждый занимался своим делом. Дабы сделать такой незамысловатый вы-

вод, может, и не стоило ехать в Нью-Йорк. Но чтобы посмотреть спектакль, подобный которому видеть не приходилось, стоило, безусловно.

НЬЮ-ЙОРК